

СВОЕОБРАЗИЕ ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНЕ А.ДОРОНИНА "ПЕРЕПЕЛКА – ПТИЦА ПОЛЕВАЯ"

© С.В.Шеянова

Статья посвящена проблемам психологизма, художественного познания внутреннего мира человека в мордовской литературе. На материале романа А.Доронина "Перепелка – птица полевая" рассматриваются основные средства психологического анализа: психологическая ситуация, психологический параллелизм, речевая и портретная характеристика.

Ключевые слова: психологизм, внутренний мир, психологический анализ, художественные средства.

Характерной особенностью современной мордовской литературы является ее обращенность к исследованию внутреннего мира личности, к раскрытию всего богатства, а подчас и противоречивости души героя, ее специфика обнаруживает себя в целеустремленной направленности на активное художественное освоение позитивных морально-этических ценностей. Не повторяя прошлых ошибок, отказываясь от нормативной схемы в делении героев только по принципу жесткого черно-белого контраста, современное литературное творчество уходит от пропагандистских назиданий, демонстрируя интерес к проблеме нравственной нормы, осмыслению взаимоотношений человека с окружающим миром, определению места и роли личности в истории.

Вышеназванные тенденции в полной мере отразились в крупных эпических формах мордовской прозы. По утверждению В.Компанейца, "роман является той жанровой формой, в которой психологический анализ реализуется полнее всего, целостно, всесторонне охватывая человеческую личность в ее многосложной обусловленности явлениями окружающего мира" [1: 19]. Герои национальных романов рубежа XX-XXI веков живут, вбирают в себя разнообразные впечатления быта, думают, любят, сомневаются. Они даны не только в действии и размышлениях, не только во взаимоотношениях друг с другом, но и в споре с собой. Глубокий и бесстрашный взгляд внутрь себя – это, во многом, поиск своего "я", путь становления индивидуального и душевного, то, что в литературоведении получило определение "психологизма", определяемого Г.Я.Гинзбург как "художественное познание душевной жизни" [2: 271].

Проблемы психологизма художественной литературы стали предметом исследования в ряде специальных работ и отдельных монографий отечественных критиков и литературоведов [3].

В мордовском литературоведении, несмотря на наличие целого ряда работ, посвященных различным проблемам национальной прозы (творчество отдельных писателей, жанровая динамика, раскрытие закономерностей и особенностей развития мордовской прозы), вопросы поэтики, стиля, психологического анализа не могут считаться решенными до конца. В этой связи представляется актуальной не только в теоретическом, но и практическом плане проблема художественного психологизма в национальной прозе. Справедливо говорить о том, что овладение мордовскими писателями принципами и приемами психологического анализа – "одного из сильнейших средств в арсенале художественной культуры, издавна применявшегося в литературах для изображения внутренней жизни человека" [4: 3] – наряду с социально-экономическими и культурными условиями сыграло существенную роль в развитии национальной литературы.

Вместе с тем в современном мордовском литературоведении, на наш взгляд, недостаточно четко разработан теоретический аспект рассматриваемой проблемы, не решены вопросы о месте психологического анализа в структуре художественного произведения, о зависимости психологизма от специфики жанра и т.д. В мордовском литературоведении нет ни одной теоретической работы, направленной на изучение данного круга проблем.

Прежде всего, опираясь на работы известных исследователей, обратимся к раскрытию идейно-эстетического значения психологизма в художественном творчестве. При всем разнообразии и противоречивости точек зрения на данную проблему наиболее приемлемыми, на наш взгляд, являются суждения А.Иезуитова, В.Компанейца, интерпретирующие психологизм как родовой признак искусства слова, свидетельство художественности литературного произведения. А.Иезуитов понятие "психологизм" сводит к трем ос-

новным значениям: "Во-первых, психологизм выступает как родовой признак искусства слова, его органичное свойство, свидетельство художественности. Известно, что предмет искусства – человек в целом, включая его внутренний мир. Отсюда всякое подлинное искусство так или иначе имеет дело с психологией человека. Во-вторых, психологизм может выступать как результат художественного творчества, как выражение и отражение психологии самого автора, его персонажей и, шире, общественной психологии (класса, сословия, социальной группы, эпохи). Существует психологизм как сознательный и определяющий эстетический принцип. В этом случае психологизм выступает в качестве особой, первоочередной и непосредственной цели и задачи художественного творчества. Главным и прямым объектом отражения и воспроизведения является именно психология человека, а психологизм представляет собою специальную и целенаправленную разработку способов и форм ее воплощения и раскрытия" [5: 39-40].

Важное значение имеет определение форм психологизма в структуре художественного произведения. Наиболее четко они определяются А.Есиным: "Психологизм в литературном произведении складывается из таких его форм, как внутренний монолог и диалог, авторское повествование о мыслях и чувствах героя, несобственно-прямая речь, психологические предметные детали, самоанализ персонажа, композиционно-повествовательные формы писем, дневников, снов, видений и т.д. Психологизм в литературном произведении представляет собой особую систему элементов художественной формы: деталей предметной изобразительности, изобразительных и выразительных особенностей художественной речи, композиции" [6: 20].

Таким образом, пути раскрытия внутреннего мира личности многообразны. Каждый писатель выбирает определенные способы анализа внутреннего мира человека, его помыслов и поступков, взаимоотношений с окружающим миром и другими людьми. Герои К.Абрамова бесстрашно ищут правду в мире окружающем и в душевном его преломлении. У М.Сайгина читатель наблюдает углубленное проникновение в нравственные искания людей. Скрещение нравственного критерия с реальным делом человека – главный нерв романов И.Калинкина, А.Доронина, А.Брыжинского.

В творчестве А.Доронина найдено отражение одна из ведущих тенденций мордовской прозы последних десятилетий – стремление к познанию внутренних пластов человеческого мироощущения, проявляющаяся в способности мастера про-

никать в тайные уголки человеческой души, открывать читателю какую-то неведомую часть его духовного мира, умения воспроизводить тонкие, едва уловимые оттенки чувств и настроений. При этом прозаик оперирует практически всеми известными формами психологического анализа. В процессе проникновения во внутренний мир персонажей он умело сочетает "объективированные формы психологического анализа (поступок, диалог, восприятие героя другими людьми и т.п.) и субъективированные (внутренняя речь, самоанализ, передача тайных мыслей действующих лиц" [1: 60].

"Своеобразной и плодотворной областью обогащения внутреннего мира человека" исследовательница психологизма в русской прозе Т.Ю.Хмельницкая назвала "взаимоотношения с природой" [7: 6]. "В художественной литературе пейзаж редко выступает как простое описание природы – чаще всего на него проецируются мысли, переживания героев: сопоставление переживаний человека с картинами природы позволяет с большей полнотой и рельефностью выявить внутренние психологические процессы" [1: 20]. Психологический параллелизм – широко распространенный прием и в мордовском фольклоре, и в литературе.

Прием психологического параллелизма широко используется в прозе А.Доронина. Ностальгические воспоминания Ивана Вечканова о далеком детстве, проведенном на колхозных лугах и полях, плавно перерастают в картину природы, явления которой персонифицируются: "Дорога пошла вдоль Суры. Река до сих пор не показывала себя, только немного подтаял снег, который блеснул под мигающим солнцем, как дно широкой миски. Не лед – чистое стекло. Поэтому на него лес смотрел, словно свою красоту хотел увидеть. Поди разбери, о чем лес мечтает. Улыбаться не улыбается, но и не грустит. Сосны и ели зеленели, березы, словно невесты перед сватаньем, показали свои стройные талии и вновь стыдливо спрятались" [8: 99]¹. Музыкальная, плавная картина гармонии в природе созвучна душевному состоянию Ивана Дмитриевича, человека со светлой душой и чистой совестью. Герой обладает незаменимым и прекрасным даром: умением постигать сокровенную жизнь природы, учиться ее чувствовать и понимать. Глубоко поэтичное восприятие и тонкое понимание жизни живой среды обогащает душу Вечканова. В данном примере психологический параллелизм подчинен задаче более яркого высвечивания духов-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш – С. Ш.

ного, возвышенного понимания окружающего мира.

А.Доронин оперирует психологическим параллелизмом и при раскрытии внутреннего мира единственного в романе отрицательного персонажа – лесничего Кирыгизова. Однако находит для него чисто физиологические детали: "Заморосил мелкий дождь. Захар Данилович поднял воротник плаща. Плащ был грубый, при ходьбе скрипел. От дождя шуршала и высокая, по пояс, трава, которую никогда не скашивали. Не от избытка сена – отсюда ее не поднимешь наверх: очень уж крутые берега у оврага. Захар Данилович долго шагал по глубокому оврагу. Ноги то и дело тонули в мягком, сыром мху. Чувствовал он себя неважно. Болела голова от похмелья. Наконец вышел к березовому лесу. Здесь деревья невысокие, от их белизны лес светлел, отгонял "хворь" лесничего. Дойдя до узкого ручейка, Кирыгизов сбросил с плеча мешок, присел на корточках, зачерпнул ладонями воду. Она ломила зубы" [8: 202-203]. В образе Захара Кирыгизова, главы лесничества, в романе художественно обрисован процесс морального оскудения человека, призванного охранять и оберегать богатства леса, превратившегося из охранника в охотника, браконьера, истребителя всего живого. Кирыгизов превращается в зверя, им управляют животные инстинкты: желание выжить и быть сильнее, чтобы подавлять волю других. Природа, которой лесничий причинил большой урон, жестоко отомстила ему: забрала его жизнь. Ни один человек не увидел его смерти, свидетельницей была лишь волчица, за которой он охотился долгое время: "Преследователь подошел к тонущему кабану и попытался вытащить его на сухое место. И неожиданно сам провалился под тонкий лед. Он нервно взмахивал серыми меховыми рукавицами, старался опереться на палку, но вода все сильнее и сильнее затягивала его в свою пучину. И здесь он увидел Керязь Пуло, которая стояла около кучи валежника. Нет, сейчас волчица не кипела злостью, она только смотрела, как тина затягивает тонущего. В его глазах она увидела такой испуг, какого не видела даже у слабого лося. Двуногий орал истошным криком. Только кроме волчицы никто его не услышал" [8: 360]. Гибель хорошего человека – всегда большая утрата для родных и близких, о Кирыгизове же никто не плакал, не убивался: "Верепаз как учит: кто разорит чужое гнездо – тот разорит и свое. А уж кто в чужой душе сделает гнездо – тот совсем никчемный человек" [8: 361], – говорит одна из героинь романа, узнав о смерти лесничего.

Таким образом, в романе поднимается проблема наказания человека, перечекинувшего за-

коны совести, заглушившего в себе нравственные законы, голос матери-природы. Этот страшный, бесчестный, безжалостный человек оказывается отторгнут землей, которая не принимает его грехов. "Крот умирает кротом", – таков приговор писателя. Романист не просто создает историю преступлений человека, он исследует философию жизни и смерти, мифологический мотив о невозможности уйти от наказания; человек, творящий вокруг себя зло, сеющий страх, принимает страшную смерть.

А.Доронин выступает продолжателем традиций русских классиков (М.Пришвина, И.Бунина) в изображении природы как активного, динамичного процесса бытия. Если в произведениях 1960-1980-х годов природа была лишь фоном, в крайнем случае, лирическим аккомпанементом личных переживаний героев, то в романе "Перепелка – птица полевая" она становится самостоятельным героем повествования, с которым у человека складываются сложные психологические взаимоотношения. Именно через отношение к окружающей живой среде выявляется нравственный потенциал героев или его отсутствие.

Впервые в мордовской литературе А.Доронин вводит в повествование образ старой волчицы, посредством которой передаются откровения, раздумья, переживания самого автора. Монологи зверя позволяют заглянуть в душу природы "изнутри", чтобы ярче показать весь трагизм совершающихся по вине человека бедствий, наталкивают на тревожные размышления о грозящих природе опасностях.

В романе "Перепелка – птица полевая" писатель раскрывает эмоциональный мир персонажа, полный драматизма и переживаний, путем сплетения характеристики героя с фиксацией его состояния. При этом он избегает подробного описания всего процесса душевных движений действующих лиц, но очень точно воспроизводит психологический миг, внутреннее состояние человека в какой-либо момент его жизни. Так, например, богатый внутренний мир, способность на глубокие чувства, нравственная основа характера сельского агронома Павла Комзолова выявляются через суровое жизненное испытание – смерть жены. "Ураган бушевал до самого утра. То и дело стучал в низкие окна палаты, разметаю жуужание, как пчелы, снежинки. Они прилипали к стеклу. Покрывали его белым платком. Павел Иванович долго смотрел на них, будто искал что-то, понятное только ему одному. Но разве найдешь в этих снеговых узорах красоту жизни или утолнение от боли? Не найдешь. Павел Иванович не спал всю ночь. В ушах, не переставая, слышался шепот старух, стоящих у гроба и вспоми-

навших Веру: какой она была хорошей, сколько она натерпелась от болезни... Комзолов закрыл глаза и будто проваливался в глубокую проурь" [8: 36]. Путем психологически меткого воспроизведения кратковременного проявления душевного состояния героя писатель не просто дает зарисовку ситуации, но заостряет внимание читателя на вопросах: что творится в душе человека, потерявшего самого близкого человека, с которым счастливо прожил пятнадцать лет и родил двух сыновей? Как жить дальше? Откуда взять силы, чтобы заглушить острую боль?

Заметной тенденцией в прозе А.Доронина становится стремление к сочетанию ряда средств, к примеру, деталей портрета с внутренней речью, психологического параллелизма с поступком и т.п. Психологическая изменчивость персонажа раскрывается им через динамичные портреты, в которых присутствует глубокая взаимосвязь между внутренним состоянием человека и его внешним выражением. Душевное состояние человека отражается в выражении лица, взгляде, жесте, которые помогают писателю подчеркнуть мельчайшие детали духовного мира героя. Так, при обрисовке внешности Розы Рузавиной художник останавливается на глазах героини. Такие глаза бывают у женщины, испытывающей на себе горечь жизни, у женщины с неисцелимой раной в сердце: "Роза сняла мокрое платье, встала перед широким зеркалом. Оттуда на нее смотрела женщина с высокой упругой грудью. Тело словно из бронзы. Большие, глубоко посаженные глаза отдавали синевой, звали к себе, обволакивая..." [8: 231]. Отношение автора к героине проникнуто особым лиризмом, любовью, симпатией. Портрет позволяет зрительно запечатлеть яркий образ сильной, способной бороться за свою любовь и счастье женщины.

В романе "Перепелка – птица полевая" значительную идейно-художественную функцию выполняет речевая характеристика героев. Передача чувств, настроений, переживаний Розы в форме несобственно-прямой речи позволяет определить нравственно-значимые жизненные цели героини и открывает двери в ее глубоко личную, интимную жизнь. "Ни любви между ними <Розой и ее мужем Трофимом – С.Ш.>, ни согласия. Да и откуда им быть? Поженились они в спешке, словно на пожар их гнали. Однажды зашел к ним Рузавин, сказал, что она ему нравится. Она не возразила. Ведь когда-то надо замуж выходить – такая у женщин судьба. Судьба-то судьба, да слишком уж горькая она сложилась. На людях они будто бы хорошая семья, а дома, увы, каждый живет сам по себе, своей обособленной жизнью. Детей нет. А когда нет детей, нет и родства,

что держит намертво, не дает распасться..." [8: 34].

Монологи колхозного конюха Тумова, по прозвищу Казань Эмель, выполняют в романе несколько функций: являются средством выражения иронического отношения А. Доронина к этому герою (иронический взгляд автора незаметен, ненавязчив), становятся приемом стилизации повествования (создается сатирико-юмористическая струя), организуют эпически-повествовательную структуру романа, речевую архитектуру произведения. Индивидуализации речи Эмеля писатель добивается точным отбором необходимых интонационных и лексических средств. Здесь можно говорить о развитии чеховских традиций в творчестве А.Доронина. Подобно А.Чехову, прозаик использует словарно-стилистические средства художественной образности для раскрытия психологического состояния персонажа.

Колоритность образа Эмеля достигается использованием в его речи разговорной лексики, образных народных выражений: Нишкесь весень эйсэ неи, кода кемень суронзо (Бог всех знает, как свои десять пальцев), келесь ведьгевень кондямо: розь иля кая – ялатеке вели (язык что мельница – и без зерна мелит), наиболее часто употребляемых эрзянами вводных слов (кыш саезе, келя, каня), междометий (вай, э-э), частиц и т.д. Бережное отношение к народной речи определяется стремлением А.Доронина к достижению художественной полноты воспроизведения народной жизни и эмоциональной насыщенности повествования. Как отмечает В.И.Демин, это "основное свойство художественной речи, которая достигается в результате упорного труда, большого умения в подборе нужных языковых средств и прекрасного знания всех богатств языка народа, на котором пишет писатель" [9: 105].

Главные черты Эмеля – человеколюбие, добродушие, стремление быть полезным односельчанам. Наделяя своего героя даром сочинительства, вкладывая в его уста различные неправдоподобные истории о встрече со Сталиным, Верепазом (верховным богом в языческой мифологии эрзян), автор раскрывает психологию человека, желающего быть в центре внимания. Старик старается вселить людям бодрость, поднять их настроение, при этом может прихвастнуть и придраться. Писатель не осуждает его за это, а высмеивает в авторских ремарках и через иронические замечания действующих лиц – ложь Эмеля всегда оказывается раскрыта, он сам – осмеян. Комизм положения Казань Эмеля достигается выявлением несоответствия между рассказанным им и тем, что было на самом деле.

Психологическая характеристика Эмеля дополняется еще одним, на наш взгляд, удачно найденным штрихом – вещной деталью. "Мысли Эмелю приходили неожиданно. Иногда конюх и сам удивлялся: кто подарил ему такой талант? Такие сказки сочиняет! В прошлом году из университета приезжала целая экспедиция. Все, что наврал им Тумов, записали на бумаге и на магнитофон. Руководитель, седой профессор, так и сказал ему: "Ты, Емельян Спиридонович, душа нашего народа". Даже кошелек подарил ему – черный, из мягкой кожи. Правда, теленок проглотил его потом..." [8: 48]. Одна деталь – подаренный профессором кошелек, который съел теленок, – свидетельствует о том, что герой нечестливого, нетщеславен, равнодушен ко всему материальному, самая большая награда для него – любовь окружающих людей.

Таким образом, роман "Перепелка – птица полевая" обозначил яркую тенденцию в развитии национальной прозы – тенденцию психологически углубленного изображения человека и окружающего его мира. Внимание А.Доронина обращено к внутреннему миру личности, к решению им в условиях современной действительности "вечных" вопросов добра и зла, долга и безответственности, любви и ненависти, к раскрытию национального представления о красоте и нравственности, гармоничном состоянии человека и мира природы.

*****

1. *Компанеев В.В.* Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). – Л.: "Наука", 1980. – 112 с.
2. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. – Л.: Худ. лит", 1976. – 448 с.
3. См.: *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. – Л.: Худ. лит", 1976. – 448 с.; *Осорова С.Г.* Психологизм в бурятской прозе. – Новосибирск: ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1992. –

- 101 с.; *Есин А.Б.* Психологизм русской классической литературы. – М.: Флинта, 2003. – 176 с.; *Есин А.Б.* Художественный психологизм как теоретическая проблема // Вест. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. – 1982. – №1. – С.17-24; *Иезуитов А.* Проблема психологизма в эстетике и литературе // Проблемы психологизма в советской литературе. – Л.: Наука, 1970. – С.39-57; *Компанеев В.В.* Русская социально-философская проза 1970-80-х годов: нравственный и психологический аспекты изображения человека. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 201 с.; *Компанеев В.В.* Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). – Л.: "Наука", 1980. – 112 с.; Проблема характера в современной советской литературе. – М.-Л., 1962. – 318 с.; Проблемы психологизма в советской литературе. – Л.: "Наука", 1970. – 394 с.; *Рожина Л.Н.* Психология человека в художественных образах. – Мн.: Изд-во МГПИ им. А. М. Горького, 1997. – 152 с.; *Страхов И.В.* Толстой как психолог. – Саратов, 1947. – 316 с.; *Хатипов Ф.М.* Духовный мир героя: психологизм в современной татарской прозе. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. – 296 с.; *Хмельницкая Т.Ю.* В глубь характера. О психологизме современной советской прозы. – Л.: Сов. пис., 1988. – 256 с. и т.д.
4. *Осорова С.Г.* Психологизм в бурятской прозе. – Новосибирск: ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1992. – 101 с.
5. *Иезуитов А.* Проблема психологизма в эстетике и литературе // Проблемы психологизма в советской литературе. – Л.: Наука, 1970. – С.39-57.
6. *Есин А.Б.* Художественный психологизм как теоретическая проблема // Вест. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. – 1982. – №1. – С.17-24.
7. *Хмельницкая Т.Ю.* В глубь характера. О психологизме современной советской прозы. – Л.: Сов. пис., 1988. – 256 с.
8. *Доронин А.* Перепелка – птица полевая: роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 380 с.
9. *Демин В.И.* Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции). – Саранск: Тип. "Рузаевский печатник", 2001. – 260 с.

THE PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS IN THE NOVEL *QUAIL – A FIELD BIRD* BY A.DORONIN

S.V.Sheyanova

The article is devoted to the problems of psychological analysis and artistic expression of a man's inner world in Mordovian literature. On the basis of the novel *Quail – a Field Bird* by A.Doronin, the author examines the main means of psychological analysis: psychological situation, psychological parallelism, and speech and portrait characterization.

Key words: psychological analysis, inner world, artistic means.

* * * * *

Шеянова Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорских литератур филологического факультета Мордовского государственного университета им.Н.П.Огарева.

E-mail: sheyanovas@mail.ru

Поступила в редакцию 28.10.2010